

НОВОВЪИ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 7 (1143)

Июль, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МАРИНА КУДИМОВА — Покров на рву, стихи	3
ОЛЕГ ЕРМАКОВ — В горах Арефинских, главы из романа	9
ЕВГЕНИЯ ИЗВАРИНА — Теплее тепла, стихи	68
ЭЛЛА МИТИНА — Мила мыла маму, рассказ	74
АЛЕКСЕЙ АЛЕХИН — Глухой как Бетховен, стихи	95
РОМАН СЕНЧИН — Поздний гость, рассказ	99
ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ — Латинская Америка, стихи	106
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН — Испанский танец. «Фанданго» Александра Грина	112
ТИМОФЕЙ МАЛЫШЕВ — Дар иного леса, стихи	125

ЗА РУБЕЖОМ

ЧЖОУ ЛУ — История и перспективы пушкиноведения в Китае	128

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 200-ЛЕТИЮ АФАНАСИЯ ФЕТА:

Александр Мелихов. Хотя бы на мгновение...; Никита Тимофеев. Осень на Девичьем поле; Игорь Фунт. Фет и Некрасов. Лицемерные маски народной песни; Татьяна Зверева. Зеркала Фета;	
Ольга Харитонова. Блоха. Дыханье. Самовар; Мария Шевцова. «И звезды люблю я с тех пор...» Фет и пути русского стихосложения;	
Василий Супрун. Две фамилии — две этимологические загадки;	
Григорий Беневиц. Поэзис как погребение; Антон Азаренков. Звук с высоты; Алексей Миронов. Фет как предложение к паузе;	
Дмитрий Овчинников. Афанасий Фет и великий князь Константин Константинович; Иван Родионов. Главное дерево Афанасия Фета;	
Чжоу Лу. А. А. Фет и классическая китайская культура; Олег Дзюба. Мои серебряные змеи; Дмитрий Козлов. Сады над чертой оседлости.	
Вступительное слово Владимира Губайловского	135

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АНДРЕЙ РАНЧИН — «Я между плачущих Шеншин, и Фет я только средь поющих». Размышления над страницами новой биографии Фета 167
- ИГОРЬ СУХИХ — История легенды. О стихотворении И. Дегена «Мой товарищ, в смертельной агонии...» 185

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- АЛЁША ПРОКОПЬЕВ — Мерцающее авторство 194

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

- Ася Михеева. В мученьях родишь ты, Исаак, отца своего Авраама (Александр Иличевский. Чертеж Ньютона) 209
- Юлия Подлубнова. Подводное ее колебание (Екатерина Симонова. Два ее единственных платья) 212
- Анатолий Ухандеев. Несколько оптимистичных некрологов (Фабио Мун, Габриэль Ба. Мечтатель) 215

-
- КИНООБОЗРЕНИЕ НАТАЛЬИ СИРИВЛИ 218

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

- Книги: выбор Сергея Костырко 223
- Периодика (составитель А. Василевский) 226
- SUMMARY 240

В 2020 году физические лица могут подписаться на журнал в редакции с любого месяца по цене 350 руб. за 1 экз; стоимость подписки на полугодие 2100 руб. (для РФ)

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте или по факсу. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, факс или адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Тел./факс: 7 (495) 650-62-13 / 7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakaznovimir@mail.ru / Сайт: nm1925.ru

Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/

Безобразничания Фета, разумеется, трудно было скрыть от общества. Просачивались потихоньку.

Многие ненавидели в первую очередь его бытовые непотребства: «Я знавал Фета. Он положительный идиот. Идиот, каких мало на свете. Но — с поэтическим талантом», — писал вышеупомянутый Чернышевский сыновьям в 1878 г.

Одновременно в романе Чернышевского «Повести в повести» героиня заявляет, дескать, Афанасий Фет — даровитейший из лирических поэтов. Правда, после Некрасова, присовокупляет. К тому же роман прямо-таки изобилует цитатами из Фета.

Эта фатальная лермонтовская разбалансировка привела обоих к постижению бессмысленности существования. Пониманию ненужности жизни, в основу коей положено страдание. И только страдание.

Фет пытался покончить с собой в ноябре 1882 г. В состоянии жесточайшей депрессии. В тяжелейшей оттого нездоровой одышке.

Некрасов тоже жаждал смерти.

С радостью принимая вызовы на дуэль, ставил жесткие условия секундантам — с немалой вероятностью летального исхода. Рвался в Севастополь на войну.

По двое суток лежал у себя в кабинете в страшной беспричинной хандре. Твердя в нетрезвом нервном раздражении, что ему все опротивело в жизни. А главное — он сам себе противен!

Разная мнемоника философских дум. Разные жизни, судьбы...

Разные, но блестящие романсы на стихи обоих поэтов. Прочно закрепившиеся в анналах русской классической музыки.

Фет, несомненно, догадывался о «жоржсандистском» — *ménage a trois* — семейном «либерализме» Некрасова с четой Панаевых. В доме Краевского, где стряпался «Современник».

Он посвятил А. Панаевой стихотворение «На Днепре в половодье». Чрезвычайно близкое по смысловому наполнению желаниям-стремлениям в произведениях Некрасова. Что тот, бесспорно, отметил. И, невзирая на неодинаковое — с прищуром — отношение к нему собратьев по цеху, тепло похвалил ровесника Фета. Обнял его и расцеловал.

Наверняка провидчески зная наперед, мол, память о гнусной кухонной бытовухе и стыдных безобразиях постепенно сойдут на нет в бескрайнем течении реки времени.

Останется — лишь поэзия. Лишь чистые, светлые ноты великой (пусть неспокойной) партитуры дионисийских судеб.

Без экивоков, намеков. И конечно, масок.

Татьяна Зверева, доктор филологических наук, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск.

ЗЕРКАЛА ФЕТА

Фет входит в жизнь русского человека незаметно, без имени, чарующей фразой, продиктованной Буратино Мальвиной: «А роза упала на лапу Азора». Включенный в толстовскую повесть палиндром («отраженный», «бегущий назад») и есть тот «золотой ключик», который открывает тайны фетовской поэтики (впрочем, еще одним ключом является «роза», которую Фет очень любил, без иронии употребляя рифму «розы/морозы», над которой подшучивал когда-то А. С. Пушкин: «За вздохом утренним мороза, / Румянец уст приотворя, / Как странно улыбнулась роза / В день бысролетней сентября!»). На протяжении всего творчества Фет тяготел к поэтическим экспериментам, в первую очередь — к зеркальным структурам. Даже полное имя поэта —

Афанасий Афанасьевич — отражается в самом себе. Зеркальные конструкции хорошо известны литературе, на русской почве любовь к ним привил еще Г. Р. Державин, затем культивировал В. А. Жуковский. Зеркальность стала неотъемлемым свойством пушкинской поэзии, ее «магическим кристаллом». Но в случае с Фетом — поэтом, стоящим на границе «золотого» и «серебряного» веков, — читатель имеет дело с иными смысловыми структурами.

Безусловно, в лирике Фета есть вполне традиционное понимание, например, знаменитое стихотворение «Зеркало», напрямую восходящее к балладе Жуковского «Светлана»:

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Хотя и здесь выстраивается особая, отличная от «Светланы» оптика. Два зеркала, наведенные друг на друга, формируют бесконечное пространство. Это ощущение усиливается благодаря тому, что слова эхом удваиваются друг в друге: «зеркало в зеркало» «трепетным»/«трепетом», «лепетом/трепетом»... Возникает не только визуальный, но и акустический образ бесконечности. Так напряженно в звук и его вибрации будут впоследствии вслушиваться только символисты, в частности, многое перенявший у Фета К. Бальмонт.

Традиционным, на первый взгляд, может показаться и строение фетовского стиха с его излюбленной кольцевой композицией — взаимоотражением начала и конца стихотворения. Однако почти всегда зеркальность смещена Фетом, в результате чего мертвая симметрия разрушена и в этом сдвиге оси видится проблеск живого бытия, никогда не равного самому себе (может быть, по этой причине не чествовавший поэзию Л. Толстой исключение делал для Фета).

Первая строфа:

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник,
Точно пьяных гигантов столпившийся хор,
Раскрасневшись, шатается ельник.

Заключительная строфа:

Но нахмурится ночь, разгорится костер,
И, вясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник

«Сталь озера», «гладь воды» — излюбленные поэтические метафоры Фета. Привычному романтическому сюжету «корабля в буре» поэт предпочитает идиллический сюжет «плавания в лодке». При этом сонные воды Фета на мгновение забывают о своей главной функции — свидетельствовать о текучести времени, поэтому лодка чаще всего никуда не плывет, а весла брошены:

Ты скажешь, брося взор по голубой равнине:
«И небо, и вода».
Здесь остановим челн, по самой середине
Широкого пруда.

В стихотворении «На лодке» рождается формула фетовского мироздания — ладья в кругу отраженных звезд: «Осыпана кругом звездами золотыми, / Покоится ладья».

Это мир, где пойманное в зеркальную ловушку плотное историческое время лишается прав на свое существование, уступая место разряженной Вечности. Не эти ли «золотые звезды» отразятся впоследствии в раннем стихотворении А. Блока «Мы встречались с тобой на закате...», где возникнет образ «золотого весла».

Собственно водная гладь является подтверждением подлинных таинств мира, а человек в мире оказывается лишь невольным согладатаем зеркальных мистерий:

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

Видимые и скрытые симметрические структуры — столпы фетовской поэзии, базирующейся на чувстве соразмерности и музыкальности бытия. Быть может, именно здесь развернуты все возможные формы композиционной симметрии: убегающие в бесконечность анафорические ряды («это... эта... эта... этот...»; «только... только... только...»), простые и усложненные строфические кольца, наконец, столь чтимые поэтом симметрично-разностопные построения, графически напоминающие ступени в Иное:

Сны и тени,
Сновиденья,
В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие...

Эта же зеркальность наблюдается в одном из самых чарующих текстов русской поэзии «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», которое может быть прочитано снизу вверх. В стихотворении воссоздана уникальная форма, созвучная палиндрому, но не в точном его понимании, поскольку зеркален здесь лирический сюжет, отраженный в себе самом. Фет заморожен «обратным движением», его стих «бежит назад» — к той единственной, которую можно словом Орфея вырвать из мира теней. Не отсюда ли излюбленная инструментовка зеркального стиха на «Л» и «З», в которой анаграммно отражается имя Марии ЛаЗич.

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

Обратное (зеркальное) прочтение:

Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне,
Травы степные сверкают росой вечерней,
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?

Свет унося, покидая неверные тени,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно.

Длинные тени вдали потонули в ложбине,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Травы степные унижены влагой вечерней,
Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне.

Не задаваясь вопросом о случайности или преднамеренности авторского замысла, укажем на то, что подобная стихотворная конструкция не только разрушает классическую линейность текста, но и обнажает разнонаправленный характер времени, которое одновременно и убыстряет свой бег («плывущий месяц» в заключительной строке «бежит»), и, если следовать обратному прочтению, замедляет его («бежит — плывет»). Зеркальность, таким образом, становится способом преодоления необратимости временного потока.

Ускользящее бытие и мимолетность — те сокровенные темы, которые не отпускали поэта на протяжении всего творческого пути. Имелся только один действенный способ удержать молниеносное время — навести поэтические зеркала друг на друга...

Ольга Харитонова, сценарист анимации. Омск.

БЛОХА. ДЫХАНЬЕ. САМОВАР

Идешь по блошиному рынку, рассматриваешь вещи, вдруг понимаешь, «блоха» — это Фет.

Рынок подержанных вещей устроен и живет так, что его можно срифмовать с жизнью известного поэта. Во всем своем многообразии и частности блошинный рынок созвучен Фету больше, чем можно себе представить. И понять, и запомнить Фета можно, осознав его через «малеванный хлам, на затхлой площади».

Рынок, словно двойственная фетовская личность, распадается надвое. Практичный, хозяйственный Шеншин — это инструменты, детали, приборы, а безрассудный, поэтический Фет — это фарфоровые балерины, люстры с подвесками и рюмочки-сапожки. Как все сочетается в единое — уму непостижимо. (Как беден наш язык! Не передать того ни другу, ни врагу!)

Фета называют поэтом без явного развития: он ставил в сборники стихи значительного временного разрыва (сороковых годов рядом со стихами восьмидесятых), не датировал их, как правило, а циклы сборников озаглавливал по темам, вроде «Снег», «Мелодии», «Гадания», «Весна», «Море».

Барахолка также смешивает времена и стили, и здесь одеяло прилавка сшито из широких лоскутов «Посуда», «Часы», «Игрушки», где каждая нитка лоскута своего роду и племени не знает.

Где что еще живое, блестит, ходит, вроде «Востока» с календарем 1969 года, а где не предмет — пародия (вроде пупса Куклачева с выпученными глазами) или вовсе — подделка.

Фета тоже много пародировали, как пародируют все вызывающе новое, то, что дразнит и эпатирует. Вот пародия Д. Д. Минаева (1863) на стихотворение Фета «Шепот, робкое дыханье...»:

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.

От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.